

*Клаус Мертес,
ректор колледжа
им. Канизиуса, Берлин*

Религия и ценности: о взаимосвязи религии и политики

1. Христианство возникло на основе иудаизма. Ветхий завет относится к Священному писанию христианства. Между тем вопрос о нормативном значении Ветхого завета для христианства в старой церкви был спорным. Существовали богословские направления, последователи которых противопоставляли Ветхий завет Новому, Бога Ветхого завета Богу Нового завета, и заявлявшие, будто бы этика Евангелия радикально отличается от этики Торы. А именно, что в Ветхом завете говорится о боге мести, а в Новом — о боге любви. Эта проблема, важнейшая для христианского вероучения, была разрешена во II в. н.э. единением двух заветов. Христианство исходит из того, что его основатель — Иисус из Назарета — был верующим иудеем, что Тора и Евангелие взаимосвязаны, и что Евангелие следует толковать, опираясь на Тору и исходя из событий реальной жизни Иисуса. В православной церкви, в евангелических церквях, Ветхий и Новый завет образуют одну книгу — Священное писание.

2. Древний Израиль — место рождения монотеизма, религии единобожия, которая носит критический характер, ибо начинается с отрицания богов древнего Востока. Бог Израиля не такой, как другие древние боги, но в то же время не является единственным богом, оставшимся на божественном небосводе словно одинокий Зевс. Он не вышел из лона природы, как другие боги, ибо сам является творцом природы и Вселенной. В богословии говорят о трансцендентности Бога и секуляризации мира. Ничто в мире не есть Бог, и Бог не является частью мира.

3. «Рождение» монотеизма в древнем Израиле фактически совпадает с избавлением от рабства. Встреча Израиля с Богом связана с политическим опытом освобождения, исходом иудеев из Египта и суда над рабовладельцами. Таким образом, в религиозное познание вводится фундаментальный по своему содержанию критерий. В христианстве он находит выражение в обещании, даваемом при крещении: «Отрекаешься ли ты от сатаны, всех его дел, чтобы жить как дитя божие в свободе?»*. Под сатаной здесь под-

* В православии, согласно «последованию таинства крещения», священник произносит: «Отрицаеши ли ся сатаны, и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и всея гордыни его». Соответственно, речь идет лишь об отречении от зла, а не свободе, как в евангелических церквях. — Прим. ред.

разумеается зло, которое делает нас несвободными, а под добром соответственно то, что допускает свободу и ее обеспечивает. Тора говорит о Законе свободы — Декалоге, то есть о десяти заповедях, которые Моисей получил на горе Синай от Бога. Декалог содержит основные воззрения Израиля относительно свободы и того, как должно быть устроено общество, если оно не хочет вернуться в рабство.

4. Декалог носит политический характер. Его императив — «ты должен». Эти слова адресованы не только конкретному человеку, но всему народу Израиля, как контрагенту Бога. Таким образом, Тору следует понимать как конституцию. Она содержит законы социального характера, законы о предоставлении убежища, уголовно-правовые определения, предписания для осуществления культовых обрядов и многое другое. В Торе находят свое развитие отдельные правовые положения, о них ведутся дискуссии, их обдумывают и им придают исключительное значение.

Внеполитическое прочтение Торы всегда приводило к недоразумениям. Например, четвертая заповедь гласит: «Почитай отца твоего и мать твою». Это часто воспринимается как заповедь для малых детей, которые должны слушаться своих родителей. Но вот чем она заканчивается: «Почитай... чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». То есть речь идет о наставлении взрослым «детям», чтобы те уважали своих престарелых родителей, заботились о них, и тогда их собственные дети извлекут уроки, как им следует вести себя в будущем*.

Таким образом, четвертая заповедь требует фактически, выражаясь современным языком, заключения договора между поколениями с целью урегулирования пенсионного вопроса... И во всех остальных заповедях, которые следует понимать политически, тоже прослеживается нечто похожее.

5. «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20, 4-5). Другие формулировки этой же

* Ср. с русской народной сказкой, в которой выражается эта же мысль. «Посреди пустынного места некогда был маленький хутор. Там жила семья, она была небольшой: старый дедушка, его женатый сын, которого звали Никифор, да маленький сынок Никифора. Дедушка был уже совсем немощным... Его сыну это не нравилось; ему хотелось, чтобы отец приносил еще какую-нибудь пользу. И он сказал себе: "Лучше изживу отца со свету, слишком долго уж он живет! Я должен тяжело зарабатывать свой кусок хлеба и жизнь моя — видит Бог — нелегка". Наступила зима. Никифор достал с чердака длинное и широкое корыто, позвал своего сыночка и сказал старому отцу своему: "Отец, мы все втроем сейчас выйдем в поле; довольно ты пожил. Не надо мучить ни себя самого, ни нас всех". Они подхватили старого отца с двух сторон и отправились в путь. Как услышал старик, как сын разговаривает с ним, он горько заплакал, но не сказал ни слова в ответ. Никифор привел своего отца к краю глубокого ущелья, посадил бедного в корыто и толкнул в пропасть, приговаривая: "Прощай отец, не поминай нас лихом". Он уже хотел вернуться домой, как маленький сынок говорит ему: "Отец, не забудь взять с собой корыто". "Зачем? Пусть останется там внизу". "Нет, когда ты будешь таким же старым как дедушка, я посажу тебя в это корыто и толкну в пропасть". И схватился тогда Никифор за голову. "Какой же я глупый! Спасибо тебе, сынок, за то, что образумил своего глупого отца". Быстро, как только несли его ноги, он побежал в ущелье, вытащил наверх своего старого отца и попросил у него прощения. Он кормил его до самой смерти, чтобы собственные дети его самого потом не бросили».

заповеди делают еще более очевидным, о чем в данном случае идет речь (Лев. 19,4; Втор. 4,15 и т.д.). Рабство в Египте по своей внутренней сущности было связано с обожествлением властных богов и прежде всего — с обожествлением фараона, изображение которого в виде статуй находилось повсюду. Запрет же на поклонение ему являлся запретом на смирение по отношению к системе, основанной на рабстве, так как господство фараона означало рабство, а его почитание — одобрением рабства.

Следовательно, тот, кто поклоняется истуканам, превращает себя в раба и, становясь внутренне рабом, неизбежно приобретает менталитет раба. И этому противостоит еще одно изречение, которое только на первый взгляд находится в противоречии с запретом на изображение: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1, 27). То есть речь в здесь идет не о статуях, ибо Бог являет свою вездесущность посредством живых людей в качестве его «статуй». Но поскольку они божьи статуи, они не являются рабами.

Подобие человека Богу является основой библейской антропологии. Из нее проистекает конкретное развитие законодательства. Законы служат величию и достоинству человека, причем каждого человека, независимо от его общественного положения и наличия богатства.

6. Новый завет — это не трансценденция политического видения Израиля, «перемещения» его в потусторонний мир. Иисус начинает свою проповедь с политического послания: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное» (Лук. 4, 18-19). «Лето Господне благоприятное» отсылает нас к Ветхому завету, к институту «года свободы»; пятидесятый (юбилейный) год в Израиле — год отмены всех долгов, когда все долговые тюрьмы откроют свои ворота и все имущественные отношения будут восстановлены для всех. Это почти коммунистическое видение. Как бы новое создание реального равенства для людей раз в пятьдесят лет.

Евангелие столь же политично в своей критике «золотого тельца», клановой морали и использования права как инструмента во имя властных интересов. «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Мар. 3, 27).

Евангелие, так же как и Тора, не рассматривает бедных как нищих. Нищета унижает человека, лишает его прав. Псалмовая молитва бедных не гласит «Сделай меня богатым», в ней говорится: «Дай мне право». Это ярко раскрывается в Евангелии благодаря богословскому представлению о том, что Бог становится человеком среди бедных. Отождествление Бога с бедными служит проявлению их благородства.

Это следует воспринимать в первую очередь с точки зрения религии, а не морали. Различие между богатством и бедностью не тождественно различию между добром и злом. Есть злые нищие люди и добрые богатые, и различие между добром и злом не решает в конечном итоге, обладает ли человек благодаря своему достоинству основными правами или нет. Он их имеет независимо от того, каковы моральные различия.

7. Использование религии в качестве инструмента власти является постоянным искушением для верующего человека. Это относится и к христианству, постулаты которого использовались для легитимизации насилия, обеспечения отношений господства, национальной культурной идентичности, для лишения прав у людей других конфессий. Искушение властью сопровождает подобно тени любую религию. Одно время атеизм представлялся единственным выходом: нет веры в Бога — нет и ее инструментализации. Но атеизм тоже связан с религиозной трансценденцией власти. Об этом, в частности, писал о. Александр Мень, размышляя над образом зверя из тринадцатой главы «Откровения Иоанна Богослова», где сказано: «Кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно». (Очевидно, речь в данном случае идет о наместнике римского императора в Малой Азии.) Мень продолжает: «Эта мысль поразила меня еще в школьные годы, когда на тренировке в результате несчастного случая погиб мой одноклассник. Те, кто находился с ним в последние минуты, рассказывали, что, умирая, он говорил со Сталиным, который пришел взять его к себе. Нас, его товарищей, это озадачило: прежде мы не замечали в нем какой-то особой “идейности” (как тогда выражались). И в тот момент у меня впервые мелькнула догадка: “Ведь это религия!”. В душе умирающего нечто высшее, священное приняло облик отца, которого мы привыкли благодарить за счастливое детство».

Так атеизм превращается в религию рабства. Следовательно, внеполитическая трактовка религии тоже ничего не дает. Это знали и пророки, и Карл Маркс. Вот почему существует постоянная критика «опиума для народа», который так или иначе служит интересам власти.

Итак, христианское учение с самого начала носило политический характер, так как подвергало критике идеологию прежних богов. С одной стороны, ни одно из земных божеств, будь то Сталин или фараон, не является Богом. С другой стороны, христианство предполагает участие человека в политическом устройстве, в котором свобода, исходя из ее интерпретации в Торе, является самой важной, верховной ценностью.

Считается, что церковь как институт дискредитировала христианство и веру. Достаточно вспомнить в этой связи о Реформации. История церкви — это одновременно история грехов. Во что же верить и откуда брать веру? Из Библии? Не только. Источником веры является опыт, то, что можно пережить. Как человек верующий я говорю: Библия — это продукт Церкви. Что и отличает христианство от ислама. В исламе Бог диктует свой текст пророку, а в христианстве это не так. Христианство собирает свидетельства общения людей с Богом, то есть религиозный опыт. Церковь же делает такие тексты аутентичными. Библия возникает через Церковь, которой в наше время следует быть общностью людей, открытых общению с Богом, ибо только так восстанавливается духовная традиция.

Что можно делать практически, если религия отождествляется с насилием? Надо противостоять власти и насилию. Теология всегда признавала эту проблему. Защищаться можно и должно, уважая в

противнике человека, а не превращая его в монстра, не поддаваясь чувству мести: око за око, зуб за зуб. Даже враг имеет право на справедливое к нему отношение. Нельзя через несправедливость и насилие превращаться в несправедливого.

Деятельность церкви носит политический характер. Она благословляла насилие, а еще недавно — жестокость революции. Последние 50 лет в Латинской Америке католическая церковь была на стороне власти, поддерживала движение бедноты с теологической точки зрения. И вновь попала в сферу логики насилия. В лоне католической церкви эта тема остро обсуждается.

Церковь — это живой организм, в котором существуют различные воззрения и рождаются конфликты. И, как я уже сказал, проблема насилия связана с необходимой защитой, которую теоретически решить невозможно. Ведь бывает так, что человек должен защищаться от могущества тех, кто разрушает жизнь его народа и его собственную. Такое возможно. Поэтому христианство не тяготеет к абсолютному пацифизму.

Как и иудаизм, христианство содействовало развитию техники и секуляризации мира. Однако возвращение к обожествлению природы невозможно, потому что это означало бы обожествление власти — то, от чего иудаизм и христианство когда-то освободили мир.

Сегодня мы стоим перед проблемой: дозволено ли человеку делать все то, что он в состоянии сделать? В Германии продолжается большая дискуссия о пределах вторжения науки в исследования человеческого организма. Есть ли тут какая-то граница? Религия сегодня скорее поддерживает мнение о том, что она есть, и человеку переходить ее нельзя.

Христианство — не враждебная технике религия. Она обеспечивала прогресс, но в то же время определяла его пределы. Я полагаю, что ликвидация таковых в Европе произошла в девятнадцатом веке, когда Фейербах, Маркс и их последователи свели Бога к разуму, границ которому уже не создавали.

То, о чем я говорил в отношении католической церкви и христианского богословия, в целом известно. Вопрос заключается в том, какие из этого следуют выводы и конкретные уроки.

Существуют разные позиции. И в христианской церкви продолжают споры. Что бы, например, сказал по их поводу Игнатий Лайола, основатель ордена иезуитов?

Существует две формы христианства. Одна — традиционная, когда люди ходят в церковь, молятся, вознося именно те молитвы, которым научились от родителей, находятся в согласии с религиозной традицией. С другой стороны, есть люди, которые видят, что Бог актуален в их жизни. В этом случае происходит конверсия, которая выводит человека из устоявшейся веками традиционной религиозности, из традиционного христианства во имя Христа. Так произошло как с Лайолой (а в другой форме — с Лютером), так и со многими христианами.

Социолог склонен описывать христианство как социологический феномен. Меня же интересуют люди, которые через свой религиозный опыт начали всерьез относиться к Богу и религии, причем таким образом, что это меняет всю их жизнь.

Российские реформы и общественная солидарность

Испокон века Россия отличалась от других современных стран отсутствием общественной солидарности. «Реформы сверху» и «сопротивление» им, которое было свойственно не только низам, но и консервативной части чиновничества и интеллигенции, обеспечили постоянство «гражданской войны», которая не давала укорениться реформам, а России стать успешной страной в конкурентном мире. Отсюда — волнообразный ход ее истории, то временные успехи, то глубокие откаты и застой. Принципиальный прорыв, который совершила Россия в последнее десятилетие, не ослабил тем не менее внутреннего накала. Политическая стабильность и относительная прозрачность результатов процессов не решили проблемы отсутствия общественной солидарности относительно основных направлений модернизации общества и государства.

*Александр Согомов,
академический директор,
Центр социологического
образования РАН*

Социально разбегающаяся страна

Сегодня мы находимся в условиях абсолютной политической стабильности. Кто против этого утверждения? Мы действительно живем в условиях большей предсказуемости и осязаемой стабильности. Однако стоит оговориться: довольных этой политической стабильностью становится все меньше. Парадоксальная ситуация: мы жаждали этой стабильности, но, получив ее, поняли, что она нас не устраивает, в том числе и потому, что какая-то важная часть общественных смыслов нашей жизни постоянно от нас уходит. Уверен, что нет такой второй страны в мире, которая, как Россия, жила бы в разных исторических временах. Ничего лучше не описывает наше самое недавнее состояние эпохи начала реформ как следующие данные: приблизительно каждый пятый представитель трудоспособного населения страны менял работу чаще, чем раз в год, а почти половина не меняла ее ни разу в своей жизни. Как такое может быть в «одной» стране?

На самом деле мы живем в совершенно «разбежавшейся» во времени, но в рамках одного географического пространства, социальной жизни. По одну сторону — те, кто не понимает (и не принимает) ценности и нормы современного общества, по другую — те, кто не

только их хорошо освоил, но и отлично использует как свой индивидуальный ресурс. Когда едешь по стране по вертикали, скажем, от Вятки до Северного Кавказа через все малые города, испытываешь глубочайший шок. Люди живут настолько разнонаправленно, что можно в одном географическом районе встретить тех, кто живет в 20-х годах прошлого века, и тех, кто еще пребывает в XVII веке. Тех, кто по-прежнему витает в кухонном представлении интеллигентской жизни 1960-х, и тех, кто уже улетел в космос индивидуализированного «общества мечты», и т.д. В этом смысле Россия — слепок глобализации с ее общественным разнообразием и разновременьем, но при этом она не похожа ни на какую другую цивилизационно близкую ей страну «продвинутого мира». Отважусь утверждать, что сегодня в России не существует самого элементарного понимания смыслов общего существования и развития. Чтобы глубже понять проблему, заглянем в историю.

Цивилизация «И»

Несколько лет назад я случайно наткнулся на трактат Василия Кандинского 1925 года, опубликованный в Берлине с потрясающим названием «И». В нем он утверждает, что вся предшествующая XX веку история и сам XX век были построены на логике «или-или». В основе современной истории всегда лежал жесткий выбор. Либо капитализм, либо социализм, либо либеральный путь, либо консервативный и т.д. Словом, либо «черное», либо «белое» в культуре и социальной жизни. Кандинский писал, что послевоенная ситуация начала XX века дает основание утверждать, что к концу его наступит новая цивилизация «И», в которой крайности смогут уживаться в одном обществе, в одном социальном пространстве. Между тем общество в его современном понимании было сформулирова-

но в России только в большевистском проекте, когда действительно все слои были перемешаны. И в результате такой мясорубки сформировалась ситуация, когда неважно, богат ты или беден, все расположены в горизонтальной плоскости. То есть наша первичная идентичность — это горизонтальное сопоставление людей, стоящих рядом и одинаково в каких-то базовых основаниях принимающих одну и ту же игру. Так как не было ни одного опыта, когда российское общество стремилось *самореформироваться*. Вспомним, что реформы в России всегда проводились сверху, навязывались политической волей.

В этой связи основная проблема сегодня — выбор пути дальнейшей модернизации страны. Если логично предположить, что модернизация по традиции вновь будет «навязываться» сверху, то это будет означать, что мы всегда будем отставать от всех стран, с которыми мы стараемся конкурировать, ибо меняемся по логике «или-или». Многие наши конкуренты не конструируются сверху, они меняются под действием внутренних импульсов, и их «мир» становится отличным от нашего. Там Общество строит удобную для себя власть, а у нас по-прежнему Власть конструирует удобное для себя общество.

Нескончаемая модернизация в России неизменно ставит вопрос о природе и истоках нашей солидарности. И здесь мы сталкиваемся с загадочным «И». Если по отдельности слова «модернизация», «солидарность» не вызывают вопросов, то союз «И» между ними применительно к России остается непонятным.

Опаздывать и бежать

Два глагола русского языка отмечают исторический путь нашего народа на протяжении, по крайней мере, последних четырех столетий — опазды-

вать и бежать. При кажущейся их смысловой связанности они на самом деле описывают различные состояния нашей прошлой и настоящей культуры. Складывание российского общества и становление квазисовременного российского государства постоянно обострялись состоянием цейтнота, а точнее, той катастрофической нехваткой времени, при которой переживание отставания от развитых стран Запада становилось не только фактором выживания страны, но и рациональным обоснованием буквально всех социальных, экономических и политических программ развития. Закрепившись в сознании и став устойчивой характеристикой умонастроения людей, отставание постепенно обрело контуры общей и фатальной «отсталости». А уж отсталость — в качестве фоновой и отчетливо осознаваемой исторической неизбежности — стала диктовать свои «правила игры» как для российских правителей, так и для введомого ими народа. Отсталость ставила государственные задачи и принуждала общество к принятию роли жертвы исторически отстающего народа. Постепенно «отсталость» вошла в норму, обрела институциональный характер и легла тяжелым бременем в основу коллективных переживаний народа. Весь вопрос заключался в рефлексии по поводу степени отставания. И сколько бы попыток преодоления статуса отстающей страны ни предпринималось, каждый раз они завершались ощущением еще более углубившегося разрыва между нами и всем остальным развитым миром.

В то же время открытое — географическое и социальное — пространство России всегда сохраняло для нашего соотечественника потенциальную возможность для «выхода» из опаздывающего общества. Реформы и контрреформы, конфликты, потрясения, государственные перевороты, внутренние войны — все это **ни разу** не закончилось в истории страны солидаристическим согласием (примирением), а все-

гда кончалось **исходом** той или иной части населения за официальный горизонт социальности (расколом). У проигравших оставалась лишь одна социальная перспектива — бег. Правда, бежали по-разному. Бежали на север и на восток, мигрировали на запад и на юг, прятались в лесах и в горах, а то и просто замыкались в себе, уходили в пьянство и т.п.

Может ли народ, который то опаздывает, то бежит, ощутить себя «нацией»? У нас есть граждане, но нет «гражданской нации». Способен ли народ, который то опаздывает, то бежит, выработать позитивные солидаристические идеи? Ответ, как кажется, очевиден: вряд ли...

На развалинах советской пирамиды

Появление новых социальных и культурных координат в постсоветском российском обществе — самое интересное явление последних лет. Обычно общество мыслит само себя как пирамидальное: классическая пирамида — низ, середина, верх.

Советское государство развалилось политически. Но общество на месте его развала осталось тем же. А какой была «советская пирамида»? Самой низкой за всю новую историю человечества! Она изначально была выстроена как низкая пирамидка, настолько эгалитарным предполагалось ее основание (социальная тождественность в бедности и бесправии «советских людей»). Верхушка жила своей жизнью, постоянно внутренне модифицируясь, но в неизменном «отрыве» от общества. Только теперь пирамида постсоветского общества начинает потихоньку вытягиваться вверх: одни вырастают, другие уходят вниз, между ними возникают дистанции. Но конфигурация уродлива: слишком велики разрывы в теле пирамиды — там, где должны быть «скрепы». Стратегии жизни людей в вершине, сере-

дине и внизу общества — совершенно различные.

Нередко экономисты обращают внимание на парадокс российской хозяйственной системы: невозможность начать бизнес «с нуля» и пройти по ступеням укрупнения до самого верха. Между уровнями бизнеса, как и между ступеньками социальной мобильности, не существует лифтов и перемещение снизу вверх как массовая практика невозможно. Средний и крупный бизнес чаще всего сохраняют статус, с которого начинались. Это означает, что мы имеем капиталистическую экономику, но не имеем капиталистического общества со свойственной ему солидарностью.

Сейчас никто не хочет быть простым «советским человеком». Ни внизу, ни в середине, ни сверху. Но стратегии человеческой жизни столь различны, что люди разных уровней просто-напросто друг друга не понимают. И чем дальше, тем отчетливее они осознают, что **не хотят** понимать друг друга. Соответственно возникает вопрос: а есть ли выход из сложившегося солидаристического кризиса?

Концепции идентичности и солидарность

Сегодня поиск общего выхода имеет самые разнообразные сценарии. Я проводил интервьюирование многих экспертов относительно нашей общей идентичности, задавая один и тот же вопрос: «Какова идентичность России?». В итоге стало очевидно, что сегодня российская власть и российская элита находятся на развилке пути к солидарности. Имеются два крайних сценария решения проблемы выбора — примордиалистский и конструктивистский. Примордиалисты исходят из того, что этничность — это исторический факт, это объективная реальность страны. То есть они утверждают, что прототипы наций существовали

как данность с самого начала человеческой истории и что людям, принадлежащим к одной этнической общности, изначально и навсегда присущ некий набор культурных свойств, обусловливающих их поведение. А отсюда следует: у России был и по-прежнему имеется один солидаристический сценарий следования «своему» (чаще понимаемому как особый!) пути развития. Его трактовка принадлежит Власти, а обществу остается лишь принять его как культурную данность. Конструктивисты утверждают, что этничность — не простой, а сложный факт. А точнее, этничность есть манипулируемая субстанция, которую можно именно сконструировать на основе сознательных, целенаправленных и систематических усилий культурных и политических элит. Их сценарий солидарности — в искусственном построении «Гражданской нации», и если понадобится — в кардинальном разрыве с историческими традициями страны.

Транзит по-русски

Диагноз сегодняшнего развития страны я сформулировал бы очень просто: мы не завершили транзит, потому что не определились, какой исторический багаж мы навсегда оставляем в прошлом и какой приобретаем для будущего. Мы «заболтали» свой исторический транзит: мы все еще живем в культурном пространстве, не имея простых ответов на три базовых вопроса: каковы цели нашего исторического транзита? кто является субъектами общественной солидарности? в чем предмет нашего транзита?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо осознать, что до сих пор мы не смогли добиться ни политического, ни гражданского, ни национального согласия относительно самых фундаментальных для нашего совместного существования смыслов.

Первое условие успешного транзита — это когда ни одна из участвующих в политике сторон не подвергает сомнению основы, на которых строятся политические процессы, принципы построения демократических институтов и процедур, конкуренция, ротация власти и т.д. Второе требует, чтобы основные политические субъекты договаривались о том, что является основой гражданского состояния в стране. Третье заключается в решении проблемы самоидентификации в новом культурном контексте. Все попытки в 1990-х придумать для нас новые гражданские словосочетания, например, «россияне», почему-то никак не приживаются. Происходит это не только потому, что нет отчетливого понимания, что такое «россияне» вообще, а скорее потому, что за этим ярлыком — непрозрачная реальность. Одним словом, мы не развели нашу с вами собственную этничность с гражданской нацией. Вот мы и остаемся по-прежнему в состоянии «депрессивной нации», которая то бежит, то опаздывает. И совершенно не ясно, каким образом в этом движении достигается общественное согласие, кто с кем договаривается на разных ступенях лестницы «власть—общество».

Возразить нельзя согласиться

Популярность сегодняшней исполнительной власти очень просто объясняется. Нормальный человек, живущий в нашей стране, даже трезво взвесив, не понимает, кому он мог бы делегировать полномочия кроме тех, кто сейчас действительно управляет страной. Есть ли у избранного президента политическая альтернатива — вопрос риторический, ведь он безальтернативно пришел к власти. Не случайно мы сегодня заинтригованы персональными отношениями внутри модели «тандемодемократии» больше, чем любыми другими вопросами стратегии и тактики развития.

Поэтому зачем нам договариваться, когда власть сама предложит Модель? Нам предложат — мы согласимся. Но это же никакое не «согласие»! Общественное согласие возможно только в условиях диалога, когда много участников коммуникативного процесса. А здесь нет и простого диалога. Помимо вопроса «С кем?» еще страшнее вопросы «О чем договариваться?» и «Кто является гарантом нашего согласия — человек, люди или институты?». Может ли сегодня исполнительная власть гарантировать согласие? Вряд ли, так как она претендует на всеобъемлемость. Раньше мы наивно предполагали, что парламент сможет стать площадкой выработки согласия, но он слишком слаб политически и морально. Вводить какой-то новый согласительный орган — и без того публичная сфера институционально перенасыщена. Словом, у меня нет однозначных ответов на эти вопросы. Впрочем, поиском ответов не должен заниматься отдельный человек, они рождаются в публичных дискуссиях. Но и там пространство взаимодействия неуклонно сокращается.

Я думаю, что сегодня как никогда остро перед российской политической элитой стоят три важнейшие задачи: как распорядиться тем, что она получила; как обеспечить, чтобы между обществом и властью возник действительно конструктивный и партнерский диалог; как добиться того, чтобы общество не просто соглашалось, но и могло возражать, а в итоге понимало, что сегодняшний курс является курсом, им одобренным. В заключение повторюсь: на сегодняшнем этапе российской модернизации самая главная проблема — добиться общественной солидарности по поводу правил игры и ценностей, чтобы добиться успеха. Без этого мы останемся на задворках мира «или-или» и никогда не приблизимся к заветному «И», открытым нашим великим художником и ярким мыслителем.